

РЕСУРСЫ

мире, они нацелены на получение прибыли. В сложившейся системе региональные геолого-разведочные работы необходимо осуществлять за федеральные деньги — так происходит во всём мире.

— **Вы сказали, что геолого-разведочные работы — прерогатива государства. Насколько активно Российская Федерация заботится о восполнении запасов полезных ископаемых?**

— В этой сфере сложилась парадоксальная ситуация. Соотношение примерно таково: из 1 млрд руб., отпущенных на ГРР, 100 млн — государственные; остальные — вложения недропользователей. Эти деньги проходят по отчётам как средства на ГРР. Бурение ведётся на действующих лицензионных участках, то есть вблизи месторождений. В таких условиях высокой геологической изученности почти каждая новая поисковая скважина становится успешной, а общая эффективность ГРР — высокой.

Хотя надо признать, что класс крупности открытий при этом небольшой — в основном 100–300 тыс. т, реже более. Но такой эффективный с точки зрения недропользователя подход к ГРР не обеспечивает эффективное региональное изучение недр.

Для частных это совершенно естественно. Недропользователей, в принципе, интересуют только подготовленные объекты либо объекты в тех районах, где бурение будет удачным на 100%. И сегодня на карте видно, что лицензионные участки прикамских недропользователей, как шагреновая кожа, сжимаются вокруг уже изученных месторождений. В подавляющем большинстве случаев идёт не изучение новых территорий, а увеличение степени изученности уже известных участков. В новых районах скважины стоят очень дорого. Даже в благополучной и обеспеченной Америке бурение в новых регионах и на большие глубины, то есть самую рискованную часть работ, берёт на себя государство.

В России до начала 2000-х годов существовал налог на восполнение минерально-сырьевой базы. Деньги распределялись в регионе, поскольку именно

здесь, «на земле», можно объективно оценить, куда в первую очередь необходимо направлять ассигнования. Эти средства как раз шли на региональные геолого-разведочные работы, что позволяло осваивать новые территории. Потом налог «ушёл» в Москву, его распределением занимались федеральные ведомства. Деньги регионов стали уходить на геологоразведку «перспективных» направлений, в том числе на изучение шельфа. Ещё позднее этот сбор с недропользователей и вовсе отменили.

Сегодня в федеральном бюджете заложено примерно 20 млрд руб. на геолого-разведочные работы. Это сумма на все российские регионы. Ничтожные средства, если учитывать, что стоимость одной глубокой скважины составляет порядка 2 млрд руб. Между тем, в своё время только в Пермском крае налоговые отчисления на восполнение минерально-сырьевой базы составляли порядка 1,5 млрд руб.

Если бы вернулся этот налог, можно было бы выстраивать работы, которые обеспечат будущее самой добыче полезных ископаемых. Вкладывать деньги не в какие-то прожекты, а более осмысленно, с большей вероятностью отдачи. Пример той же Восточной Сибири. Сегодня большая часть средств направляется на малоэффективный поиск нефти. Ранее ассигнования шли преимущественно на геолого-разведочные работы по золоту и алмазам и давали хорошую отдачу.

— **Если в сфере геологоразведки всё достаточно проблематично, можно ли рассматривать увеличение коэффициента извлечения нефти как новые возможности для отрасли?**

— С применением новых технологий добычи недропользователи уже «выжимают» скважину по максимуму. Коэффициент извлечения нефти (КИН) никогда не бывает 1,0, то есть стопроцентным. Сегодня он может достигать 0,5. И это очень высокий показатель. Для сравнения: в Советском Союзе КИН был 0,2, то есть извлекались 20% нефти. Это было вполне нормально. Сегодня в скважине остаются 50%. Извлечь их пока не позволяют технологии.

— **Вопрос о соотношении цен, который сегодня волнует многих. Как получается, что стоимость барреля нефти падает, а цена на бензин растёт?**

— Всё не так однозначно, как вы сейчас описали. Цена за баррель нефти падает в долларах. Цена за литр бензина растёт в рублях. Я считаю,

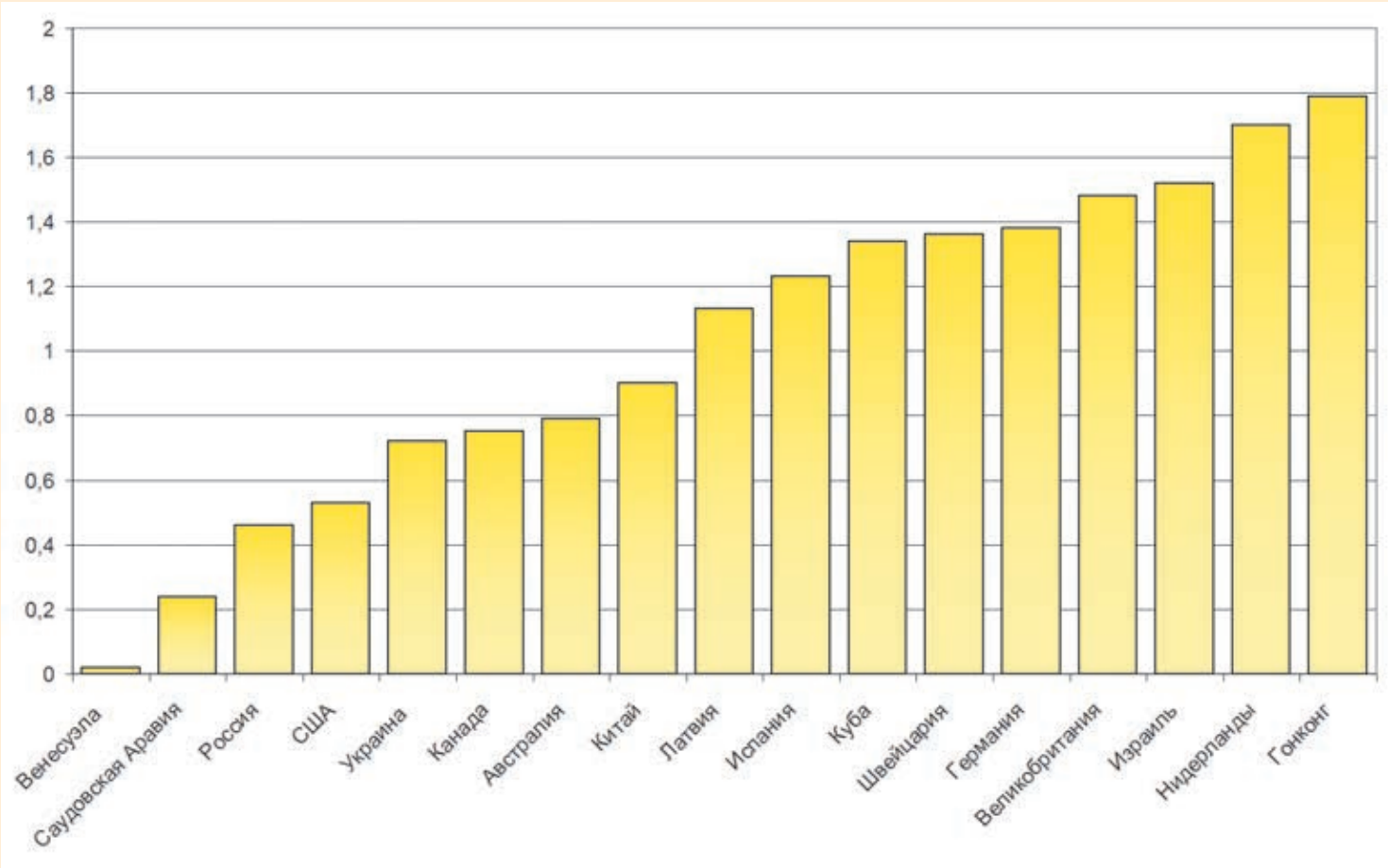
что, в сравнении с другими странами, в России очень недорогой бензин. За исключением Венесуэлы, где есть специальные дотации и бензин распределяется почти бесплатно. Если же переводить цены на бензин других стран в рубли, то получится такая картина: на Украине топливо стоит порядка 60 руб.; в Турции — примерно 120.

Кроме того, надо учитывать, из чего состоит стоимость литра бензина в России. Стоимость нефти в нём занимает порядка 5–10%. Остальное — государственные акцизы и сборы. Таким образом, нефтедобытчики от продажи бензина имеют не так много, и не от них зависит стоимость топлива. Даже если бы цена на нефть упала вдвое, на цене бензина это никак не сказалось бы.

— **Сегодня многие занимаются тем, что пытаются прогнозировать цены на нефть. Спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко уже назвала это действие «гаданием на нефтяной гуще». Не будем гадать. Поговорим о цене, при которой добыча будет оставаться рентабельной.**

— Что до себестоимости нефти, то президент «ЛУКОЙЛа» Вагит Алекперов в своё время сказал, что «ЛУКОЙЛу» выгодно продавать и за \$20. Компания устоит и при такой цене. Стало быть, при планке в \$40 нефтяники имели сверхприбыли. Когда котировки были ещё более высокими, государство имело огромные доходы. Это те деньги, которые уходили в казну.

Когда цена упала ниже \$40, недропользователи стали сокращать инвестиции. Но, повторюсь, это не страшная планка для нефтедобытчиков. Окупается добыча, зарплаты, но начинается экономия на бурении. Это достаточно серьёзная тенденция, которая через несколько лет может привести к падению добычи. Быстро объёмы не нарастить.

На 8 февраля 2016 года средняя цена бензина по всему миру составляла \$0,96 за литр.

Как правило, в богатых странах более высокие цены на топливо, в бедных и тех, что производят и экспортируют нефть, — значительно ниже. Исключением является США, экономически развитое государство с низкими ценами на бензин. Разница в ценах обусловлена разницей в налогах, которыми облагается бензин, или, напротив, субсидиями на него